

На море стоял туман. Белёсый и такой густой, что уже в нескольких метрах очертания предметов угадывались с трудом. И крайне сырой – казалось, схватишь его рукой, и потечёт вода.

Но даже в этих условиях кое-что можно было различить. Например, стоящие вдоль береговой линии шесты с факелами, горение которых поддерживали охранявшие побережье солдаты Колома.

Побережье находилось в шестидесяти километрах севернее столицы.

Первым делом в ставке альянса Градун определили несколько направлений, наиболее подходивших для высадки арманских армий. И северное признали самым вероятным.

Здесь достаточно глубоко, чтобы большие военные корабли смогли подойти к береговой линии, а широкая песчаная коса идеальна для десантирования. В связи с чем вдоль берега расставили солидное число коломской стражи.

Несмотря на предрассветный час, никто не дремал на посту. Караульные внимательно вглядывались в прибрежное море. Разглядеть что-либо было трудно из-за густого тумана, однако все были начеку, желая не пропустить момент высадки, если та всё же состоится.

Тихое море, мерный плеск волн. Безмятежная тишина веков.

И посреди этой идиллии – Суисс! – всё вдруг переменялось моментально!

Впрочем, нет – ночной мрак, туман, и шум прибоя остались теми же. И даже факелы всё так же мерцали языками пламени. А вот караульные начали валиться с ног. Люди падали один за одним, точно костяшки домино – с внешнего края косы к центру.

При этом те, кто ещё жив, даже не поняли, что товарищи уже мертвы. Ведь кругом были мрак и туман, а посторонних звуков не доносилось. Атакованные даже не успевали подать сигнал.

Лучший способ связи в условиях тумана – свисток. И коломских солдат тренировали свистеть при любом происшествии. Однако те умирали так внезапно, что никто не успел дотянуться до свистка.

Беспомощности вымуштрованных солдат имелась причина. Роль в том, конечно, сыграл и плотный туман. Однако проблема крылась в другом. И это – направление взоров!

Солдаты Колома наблюдали исключительно за морем. Враг же, на их беду, пришёл не оттуда. А подкрался с суши и ударил в спину.

Стартовав с юга, враг бесшумно бежал по песку, и выглядел тенью с изящными изгибами. Кроме тёмного силуэта в глаза мельком бросалась лишь зловещая белозубая улыбка, да огненно-рыжие космы.

Двигалась тень так легко и проворно, что даже не оставляла следов на песке, а лишь извилистую борозду, точно недавно в этом месте проползала змея.

В моменты сближения с солдатами она становилась ещё стремительнее. Тень зайцем запрыгивала в окоп, и делала взмах руками.

Пальцы сжимали тридцатисантиметровые мечи. Нижнюю часть лезвий покрывали зубцы.

Рукояти перевязаны кожей буйвола, а в основании оных красовались крупные рубины.

Словом, оружие поистине уникальное. Кроме того, не так уж часто встретишь бойца с мечами в обеих руках.

Но есть ещё одна особенность. И это – обратный хват!

Да, тень держала оружие так, что лезвия мечей располагались от неё, а не к ней.

Суисс! – Зажатые в обеих руках мечи резко скрестились, разрубая ветер, воздух и само пространство. Лезвия в очередной раз полыхнули красной аурой, а из рассечённых шей коломских солдат ударили фонтаны крови.

Караульные издали лишь короткий вскрик, который не могли услышать, поскольку голосовые связки повредили прежде, чем солдаты успели открыть рот.

Часовые в окопах располагались по двое. В экстренной ситуации один из них должен был вступить в схватку с противником, а другой – подать сигнал. И в этом было своё преимущество. Ведь застать врасплох сразу двоих куда труднее.

Но тайному злоумышленнику не мешали и такие ограничения. С мечами в каждой руке, тот мог уничтожать караульных одновременно.

Два вскрика слились, бойцы погибли в один миг. Уровень мастерства, требующий идеальной синхронизации обеих рук!

Солдаты упали на песок, и вновь всё затихло.

Но тень оказалась обстоятельной. Пальцы опустились на ноздри убиенных, чтобы удостовериться, что те более не дышат.

И в этот миг тень стало возможным разглядеть. Факел, что мерцал рядом с окопом, озарил лицо светом!

Удивительно, но злоумышленник оказался девушкой. Причём, девушкой на редкость привлекательной.

Это была Джок! Одна из четырёх Морских ведьм Южного моря – телохранителей Суллы, самая опасная из квартета!

Лик оставался на свету всего секунду. После чего рыжая бестия с прозвищем Красный скорпион сорвалась с места, устремляясь к следующему окопу.

Фьюить!

Движения тела оставались стремительны и легки, словно у скользящего по ветру воздушного змея. Всё, что оставалось после неё – два мёртвых тела да потрескивающий факел. Лишь факел и был свидетелем жестокого убийства, для всех остальных сцена по-прежнему скрывалась в густом тумане.

Пока Джок неслась с юга на север, истребляя солдат одного за другим, во мраке шло ещё одно движение. Однако вторая тень бежала по береговой линии с севера на юг.

Этот нарушитель пользовался кнутом. Причём, не обычным, а с двумя хвостами.

Фьюить! Крак!

Плети устремились вперёд и одновременно обвили шеи обоих солдат в яме. После этого бедняги уже не могли оказать сопротивление. У них выступила пена на губах и вывалились от удушья языки. И в таком состоянии, они, конечно, не могли ни крикнуть, ни засвистеть.

Хоть кнут считают лёгким оружием, не шибко опасным для одоспешенного противника, это не всегда так. Конкретно этот монстр не выпускает жертву, которую схватил.

Плети усеивают острые иглы, смазанные ядом. А кнутовище украшает синий сапфир.

Владельцем его была не кто иная, как Чон – холодного вида красотка с уложенными в аккуратную причёску синими волосами. Двухвостым кнутом она орудовала словно божество. Потому моряки Южного моря наделили её страшным прозвищем – Синяя амфисбена!

Спустя какое-то время Джок и Чон встретились. Стартовав с противоположных окраин побережья, они сошлись ровно в центре. Оказавшись у последнего окопа, они обменялись многозначительными взглядами, после чего каждая без слов взяла на себя по одному солдату.

Так что обитатели центрального окопа погибли не от одного оружия, как все их товарищи по несчастью. Одного зарезали мечом, а другого – удушили кнутом. Но оба не успели издать ни звука.

Береговая линия была зачищена.

Оглядевшись, Чон взяла в руки факел и вычертила им в воздухе восьмёрку.

То был сигнал для Суллы, дававший понять, что берег чист и безопасен.

И тогда флотилия медленно выступила из тумана! Число подошедших к береговой линии кораблей превысило полторы тысячи. На мачтах реяли флаги Арманской империи. Флот подошёл к берегу единовременно.

На носу крупнейшего из кораблей стоял высокий мужчина и смотрел вниз, на прибрежный песок. Это и был его хозяин, командир третьего Арманского корпуса Сулла.

«Все на берег! Ворвёмся в столицу Колома с рассветом!» – последовала суровая команда.

Разразившись воинственным кличем, содрогнувшим предрассветное небо, воинство ринулось на берег.

Плавание окончено! Сулла наконец-то достиг коломских земель.

***

Встрепенувшись, Широн привстал с кровати. Произошло это ранним туманным утром, сразу после того, как он задремал.

На протяжении всей ночи он занимался тренировкой – перемещал внутри себя ядовитую энергию.

Практиковать некромантию в казармах союзной армии стало бы плохой затеей. Да и упражняясь с копьём под влиянием Стено, Широн источал энергию лютой злобы. Подобное не стоит выставлять напоказ.

Так что, запираясь в комнате, он сосредотачивался исключительно на контроле яда. И тот рос в объёмах с каждым днём.

Концентрация также резко возросла. Теперь трупный яд стал уже вдвое насыщеннее того, что был когда-то поглощён в храме Бартенкиума.

И, чем сильнее становился яд, которым Широ́н управлял, тем проще ему давался контроль над призраками. Возможно, это и позволило раскрывать способности тех, кто относились к десяти сильнейшим призракам Бастиона Душ.

В последнее время силы Десяти призраков проявлялись сами собой. Их аура исходила от него даже без осознанного намерения.

Чаще всего проявлялась сила восьмого призрака – Стено. Но порой давали о себе знать утрашение Бартенкиума и боевое чутьё Гюнтера Зейца.

Мощь императора-людоеда Бартенкиума! У четвёртого по силе среди бессчётного сонма призраков Бастиона Душ аура была особенно подавляющей. Всякий раз, когда та проявляла себя, окружающих кидало в дрожь.

Во многом это его давление заставило покориться маркиза Бальфона. И вчера, во время схватки Дюваля с рыцарями Колома, энергия Бартенкиума явилась вновь.

Именно аура императора-людоеда заставила Дюваля остановить атаку, а маркиза Гермюльдера – вздрогнуть от испуга.

К счастью, обладатель наиболее чёрной злобы – Кровавый властитель Карл Зейц – являл себя нечасто.

Тот обладал столь мощной жаждой крови, что немедленно начинал души́ть окружающих. И если бы кровожадная натура Карла Зейца проявлялась регулярно, последствия оказались бы весьма неприятны.

«Десять призраков... по мере того, как яд крепнет, они приходят всё чаще. К счастью, больше не пытаюсь захватить надо мной контроль, как прежде. В былые времена, всякое проявление Десяти призраков заставляло меня немедленно терять сознание и контроль над телом. Теперь всё немного иначе. Я могу одалживать силу призраков, не пробуждая полностью их самих. Разумеется, до идеала ещё далеко. Я не могу задействовать их силы только когда это необходимо, и не чувствую, когда они готовятся снова взять надо мной верх. Однако прогресс обнадёживает! Судя по всему, призраков всё же выйдет контролировать с помощью яда. И десятку сильнейших тоже. Это поистине можно считать чудом.»

И обнадёженный Широ́н погрузился в работу с ядом ещё глубже.

Военный лагерь не оставлял возможностей практиковать магию некроманта или работу с копьём. Но из-за этого появилось больше времени на яды.

Меж тем, количество того росло ударными темпами. А по мере концентрации, он становился ещё страшней.

И ведь усиливался не только трупный яд! Развивались также изначально используемые Широ́ном колонии бактерий.

Па каналам струилась не одна ядовитая энергия, однако обе пребывали в балансе. Со стороны это смотрелось как струящийся чёрный поток с зелёной прожилкой, похожей на фитиль лампы, по центру.

Чёрный поток – это трупный яд, поглощённый в храме Бартенкиума, а зелёная прожилка – скопления бактерий. И при перемещении яда внутри организма бактерии также множилось.

За доказательствами не нужно ходить далеко. Достаточно вспомнить, что в годы жизни в Ноабской империи активированные бактерии окрашивали в зелёный свет только кончики его пальцев. А совсем недавно, во время сражения с вивернами, колония бактерий уже разрослась настолько, что окрашивала всю ладонь целиком. Призванные зелёные сферы были так велики, что охватывали даже запястья.

Но что теперь?

Теперь, когда Шиرون концентрировал бактерии, зелёным озарялось всё предплечье. А когда шевелил рукой, за той следовала группа зелёных огоньков! Казалось, будто за рукой гонится стая светлячков, стремясь окутать целиком.

Увеличилась не только площадь охвата. Цвет бактерий тоже стал насыщеннее. Это свидетельствовало, что их плотность на единицу объёма повысилась.

Шиرون продолжал перемещать ядовитые энергии до поздней ночи. И только перед рассветом улёгся в кровать, собираясь провести во сне час-другой.

Точно таким же образом выглядел его суточный распорядок и днём ранее.

Однако уже через полчаса он привстал, чувствуя, как что-то сдавливает грудь. Сердце забило сильнее, и Шиرون ощутил в душе яркое волнение.

Тело покрыли мурашки. Причём, плотность их была такой, что вся кожа стала пупырчатой.

«Это?.. Так пахнет резня!»

Запах крови! Запах войны!

В холодном предрассветном тумане витал знакомый аромат.

Какая же из сущностей смогла его почуять? Способны-то были многие. И император-людоед Бартенкиум, и Рыцарь Тьмы Дюмонем, и Кровавый властитель Карл Зейц, и хозяин Глаз Змея Стено, и король орков Гюнтер Зейц!

Кто бы то на самом деле ни был, все они – чудовища, жаждущие резни, убивавшие ради личной прихоти.

Гр-рр...

Шиرون не осознавал, как уголки губ изогнулись, обнажая клыки. Жуткая дымка окутала тело. Призраки внутри загудели. Они поняли, что началась война и пришли от этого в восторг.

Похоже, этой ночью уже не уснуть.